

Радикализация в местах заключения: ПОДХОД СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Б. Г. БОВИН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

П. Н. КАЗБЕРОВ

Управление воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

И. Б. БОВИНА

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Реферат. В статье осуществлен анализ исследований о распространении экстремистской идеологии в местах лишения свободы и использована теория социальной идентичности для понимания механизма радикализации в условиях изоляции. Актуальность обращения к этой проблеме объясняется тем, что после событий 11 сентября 2001 г. именно радикализация в тюрьмах превратилась в серьезную угрозу безопасности разных стран. Кроме того, меры по противодействию терроризму должны опираться на знание психологических закономерностей, по которым происходит радикализация; равным счетом, как и разработка мер профилактики, направленных на осужденных, а также создание программ по дерадикализации базируются на понимании механизмов социального поведения. В фокусе внимания в работе оказывается концепция современного терроризма, предложенная Ж. Бодрийяром, изучается проблема радикализации и распространения идеологии экстремизма в местах лишения свободы, демонстрируется важность социальной идентичности в связи с процессом радикализации в ситуации изоляции. Особая роль отводится идеям теории неопределенности-идентичности М. Хогга (мотивационному направлению подхода социальной идентичности). Согласно ей, переживая неопределенность, люди склоняются к разделению радикальных идей и членству в соответствующих группировках, ибо таким образом они получают прямые и однозначные ответы на беспокоящие их вопросы. Способ снижения неопределенности – это принадлежность к группе, так как последняя является основой для самоопределения, то есть индивиды в ней обретают искомую социальную идентичность, получают нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В заключение объясняются возможности подхода социальной идентичности для диагностики лиц, уязвимых к вовлечению в террористическую деятельность.

Ключевые слова: терроризм; радикализация; противодействие терроризму; социальная идентичность; осужденные; неопределенность.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Бовин Б. Г., Казберов П. Н., Бовина И. Б. Радикализация в местах заключения: подход социальной идентичности. *Пенитенциарная наука*. 2020; 14 (3):415–424. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-415-424.

Radicalisation in prison: social identity approach

B. G. BOVIN

Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

P. N. KAZBEROV

Department of educational, social and psychological work of the Federal Penal Service of Russia, Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

I. B. BOVINA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Abstract. The article analyzes research on the spread of extremist ideology in prisons and uses the theory of social identity to understand the mechanism of radicalization in conditions of isolation. The urgency of addressing this problem is explained by the fact that since the events of September 11, 2001, it is the radicalization in prisons that has turned into a serious threat to the security of different countries. In addition measures to counter terrorism necessarily rely on knowledge of the psychological laws by which radicalization occurs; equally, like the development of preventive measures aimed at convicts as well as the creation of deradicalization programs, are based on an understanding of the mechanisms of social behavior. The focus of the work is on the concept of modern terrorism proposed by J. Baudrillard, the problem of radicalization and the spread of the ideology of extremism in prisons is studied, the importance of social identity in connection with the process of radicalization in a situation of isolation is demonstrated. A special role is given to the ideas of M. Hogg's theory of uncertainty-identity (the motivational direction of the approach of social identity). According to her, experiencing uncertainty, people become inclined to the division of radical ideas and membership in the corresponding groups, because in this way they receive direct and unambiguous answers to their questions. The way to reduce uncertainty is belonging to a group, since the latter is the basis for self-determination, that is, individuals in it acquire the desired social identity, receive norms and rules of behavior, direction of thoughts and feelings. In conclusion the possibilities of the social identity approach for diagnosing persons vulnerable to involvement in terrorist activities are explained.

Key words: terrorism; radicalization; counter-terrorism; social identity; convicts; uncertainty.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Bovin B. G., Kazberov P. N., Bovina I. B. Radicalisation in prison: social identity perspective. *Penitenciarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2020; 14 (3):415–424. (In Russ.). DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-3-415-424.

Воспользуемся одним из определений терроризма, согласно которому под этим явлением понимаются «действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания» [17, с. 496]. Важный момент в определении терроризма, который следует добавить, заключается в указании на групповую природу: негосударственные

субъекты – это группы, ибо террористические акты совершаются членами групп.

В авторитетной базе данных по терроризму с 1970 по 2018 г. зафиксировано 191 464 теракта [18]. Анализ количества погибших в результате терактов (см. рис. 1) свидетельствует, что после пика в 2014 г. к 2018 г. наблюдается существенный спад (более 50 %) [24]. В том же отчете утверждается, что география наиболее смертоносных террористических актов включает страны Ближнего Востока, Южной Азии, а также Африканского

континента к югу от Сахары. Именно здесь погибли 93 % жертв терроризма за период с 2002 по 2017 г. Однако при этом представ-

ляется возможным говорить об экспоненциальном росте количества жертв террористической активности (рис. 1).

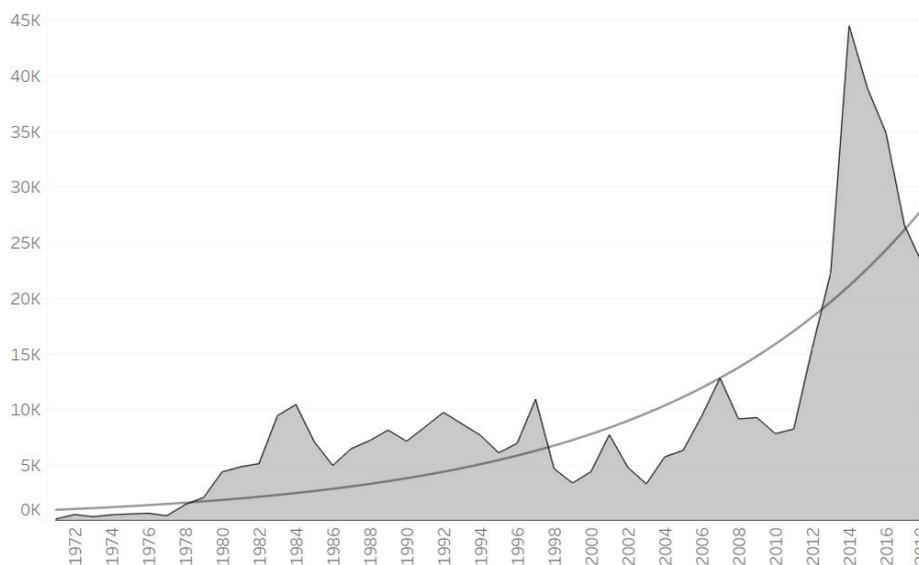

Рис. 1. Количество погибших в результате терактов по всему миру (1972–2018)*

Терроризм по-прежнему представляет собой реальную угрозу обществу, существованию человечества в целом, а значит, требуются самые серьезные меры противодействия этому явлению на различных уровнях [3; 32]. Основной чертой современного терроризма является его трансформация из классического в глобальный (М. Вьеверка связывает зарождение глобального терроризма с двумя террористическими атаками в Бейруте, направленными против американских и французских миротворцев (23.10.1983), когда грузовики, начиненные взрывчаткой, врезались в казармы военных, что стоило жизни 248 американским и 58 французским военным [32]).

Для радикализации и рекрутирования новых членов террористические организации используют стратегии, основанные на современных информационно-коммуникационных технологиях. Форма подачи информации базируется на западных сериалах, рекламе, видеоиграх, музыке, при этом известные темы наделяются новым смыслом [11; 13; 16; 30]. Особую угрозу представляют вовлечение в террористическую деятельность молодежи и рост радикализации осужденных в местах лишения свободы [9; 25; 29].

Проблема противодействия религиозному экстремизму по-прежнему остается актуальной, наблюдается рост числа лиц, осужден-

ных за религиозный экстремизм и терроризм. Стратегии содержания этой категории осужденных таковы: изоляция от других осужденных или распределение среди других категорий [8; 25]. Если опираться на анализ опыта западных стран, то есть основания говорить о том, что радикализация происходит достаточно быстро. Как отмечает О. Н. Новикова, это вопрос нескольких недель [8]. Находясь в местах заключения, террористы взаимодействуют с экстремистскими группировками, планируют будущие террористические акты. Кроме того, враждебность со стороны этой категории осужденных в отношении персонала тюрьмы обостряет оперативную обстановку. Предполагается, что в случае рассредоточения осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность среди других заключенных последние будут оказывать сдерживающее влияние на распространение экстремистской идеологии, но определенный риск обратного влияния сохраняется. Эти факторы обуславливают необходимость разработки и проведения специальных профилактических мероприятий [8]. Создание локальных зон для заключенных террористов представляет другую опасность, связанную с усилением сплоченности этих групп, что представляет угрозу для персонала тюрем [8; 25].

Успешность мероприятий по профилактике и противодействию радикализации

* Расчеты выполнены авторами на основе данных, представленных в Глобальной базе данных по терроризму [18].

в местах заключения определяется тем, насколько точно удастся понять процесс и механизмы радикализации в местах отбывания наказания. Как отмечается в Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг. [6], научное и методическое обеспечение мероприятий по профилактике и противодействию отстает от потребностей практики, поэтому требуется дальнейшее развитие научно-исследовательской деятельности в данной сфере.

В контексте данной задачи предпримем попытку анализа исследований о распространении экстремистской идеологии в местах лишения свободы и использования теории социальной идентичности для понимания механизма радикализации в условиях изоляции.

Современный терроризм. В философской концепции «Дух терроризма» [1], появившейся после терактов 11 сентября 2001 г., ее автор, Ж. Бодрийяр, сформулировал ключевые характеристики современного терроризма.

Как ни парадоксально, религиозный экстремизм, по мысли Ж. Бодрийяра, не является собой идеологического противника существующему государственному строю. За терроризмом едва ли стоит определенная идеология. Цель этого типа экстремизма вовсе не в том, чтобы осуществить преобразование мира, а в том, чтобы его радикализировать, используя жертвоприношения.

Французский философ утверждает, что исламский мир представляет собой единственную культуру, отрицающую западную систему ценностей. Другие религии не противопоставляют себя процессу глобализации, их культуры не противостоят западному миру. Террористический ислам – это главная сила, которая пытается противостоять глобализму и модернизму, понимаемому как отход от религиозных традиций ислама. Особенностью является то, что терроризм проник повсюду и, подобно тени, следует за господствующей системой, готовый неожиданно выйти из своего убежища.

Суть современного терроризма, этого нового вида боевых действий, заключается в том, чтобы, изучив правила игры, нарушать их, и Ж. Бодрийяр подчеркивает, что абсолютным оружием террориста, оружием возмездия является его собственная смерть. Раньше суицидальный терроризм был средством бедных, ныне – богатых. В распоряжении современных террористов находятся новейшие средства и технологии, однако наряду со всем этим они обладают

еще более фатальным оружием, а именно собственной смертью.

Террористические акты направлены на разрушение современной цивилизации, ее главных достижений, образцов технологического прогресса. Захват заложников и смерть невинных людей – то, что в рамках либеральных ценностей представляет собой величайшую цивилизационную трагедию, используются террористами как способ наказания современного общества, ибо оно пренебрегает истинной верой.

Террорист-смертник с поясом шахида превратился в один из символов современного глобального терроризма. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что представителям западного мира добровольная смерть при совершении теракта видится иррациональной, непонятной. Исполнителям террористических актов смерть не страшна, и это делает терроризм трудно преодолимым явлением современного общества.

Наряду с этим, по мысли философа, у этой категории террористов, по аналогии с лицами, склонными к крайним формам радикализма, отмечается стремление выйти за рамки обыденной жизни, наполнить ее неординарными событиями, острыми переживаниями на грани соприкосновения со смертью. По словам А. Ш. Тхостова, это та самая легкость бытия, влекущая к определенному типу действий [3]. По мнению К. Ясперса, представителя экзистенциальной психологии, именно в пограничной ситуации, когда человек находится на грани физической, интеллектуальной, моральной гибели, высвечивается экзистенция, ощущается мир свободы и самости, приходит озарение и обретение собственного Я [14].

Радикализация и проблема идентичности. Вопрос радикализации в местах заключения попал в поле зрения исследователей, ибо, как уже отмечалось выше, это явление превратилось в серьезную проблему после 11 сентября 2001 г. Попытки изучить то, как человек вступает на путь терроризма, предпринимались неоднократно [4; 5; 9; 10; 25; 29; 31]. А. Силке и Т. Велдхуис указывают на то, что радикализация в местах заключения – результат взаимодействия институциональных, социальных и индивидуальных факторов [31]. При этом акцентируется внимание на том, что имеются два конструкта, в отношении которых существует своего рода консенсус: переполненность тюрем и харизматическое лидерство, то есть условия пребывания и специфика воздействия, которые определяют процесс радикализации индивида. С

нашей точки зрения, в фокусе должно быть то, что происходит с индивидом, который оказался в местах заключения, причем в первый раз, ибо в условиях тюремной изоляции осужденные подвергаются различного рода психологической депривации: сенсорной, эмоциональной, двигательной, сексуальной и социальной. Человек изолируется от семьи, привычного социального окружения, это период неопределенности. В отсутствие группы поддержки, опыта пребывания в заключении человеку требуется некоторая точка опоры. В таких условиях, особенно у впервые лишенного свободы человека, возникают чувства одиночества, незащищенности, тревоги, обреченности, безнадежности, могут развиваться тревожно-депрессивные состояния, сопровождаемые переживаниями отчаяния или истерическими, демонстративными, паническими реакциями. По сути, осужденные переживают так называемый пенитенциарный стресс [2; 7] и стремятся так или иначе преодолеть это состояние.

Выше уже говорилось о том, что террористическая деятельность осуществляется группой. Одной из ключевых психологических особенностей индивидов, вовлеченных в экстремистскую и террористическую активность, является их потребность в укреплении социальной идентичности. Это достигается путем присоединения к группе единомышленников, к группе, разделяющей сходные взгляды на мир [3; 5; 9; 12]. Данную потребность можно выразить формулой «кто не с нами, тот против нас». Обращение к различным моделям анализа радикализации (Р. Борем [15], К. Викторевич [12], Ф. Мохаддам [27]) позволяет говорить об идентичности как важном конструкте. Так, в руководстве по оценке риска экстремизма, используемом в Великобритании, среди 22 индикаторов риска можно выделить серию показателей, которые позволяют говорить об идентичности, в частности это потребность в идентичности, смысле и принадлежности, потребность в статусе, крайняя степень идентификации с группой, мышление по принципу «Мы – Они», дегуманизация врага [28]. Позже рассмотрим эти индикаторы как стороны единого целого.

По результатам исследования лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности и находящихся в местах лишения свободы, можно говорить о том, что в большинстве своем преступления ими совершались в составе группы, имеющей иерархическую структуру, ясные роли, по предварительномуговору, направлялись четким планом действий.

Для достижения цели группа использовала огнестрельное и холодное оружие, взрывчатые вещества для нанесения травм и увечий людям, часто незнакомым и всегда ни в чем невиновным [4].

Результаты другого исследования, проведенного на выборке в 223 осужденных из 12 исправительных учреждений (N1 = 105 осужденных по различным статьям УК РФ, исключая статьи за экстремизм и терроризм; N2 = 92 осужденных за экстремистскую и террористическую деятельность; N3 = 26 осужденных, попавших под влияние религиозных экстремистов и поставленных на профилактический учет), позволили говорить об уровне осведомленности осужденных об исламе, а также оценить масштаб влияния идеологии религиозного радикализма на лиц, не связанных до осуждения с экстремизмом и терроризмом [9]. Более половины (57 %) осужденных (N = 223 респондентов) отметили, что относят себя к вероисповеданию, связанному с исламом, 24 % – с христианством. В выборке не оказалось приверженцев иудаизма, кришнаизма или буддизма; 12 % респондентов указали на принадлежность к другим религиозным направлениям, не уточнив при этом конкретное вероисповедание; 7 % осужденных считают себя атеистами [9].

До осуждения верующими себя считали 77 % респондентов, 23 % не причисляли себя к каким-либо религиозным направлениям. Привлекательность ислама для 127 приверженцев заключалась в законах шариата, справедливости учения, братстве, верности Богу. Среди мусульман многие являются, по определению Р. Мертон, «ритуалистами»: для них ценность представляет лишь ритуальная сторона ислама, форма, но не его смысловые категории. Это подтверждается результатами исследования: на вопрос об осведомленности о священных писаниях около 30 % ответили, что не знают этих текстов; 20 % не читают Коран и в местах лишения свободы им не требуется религиозная литература [9].

Соотношение верующих и неверующих до осуждения было таким: группа 1 – 61 и 39 % соответственно, группа 2 – 88 и 12 %, группа 3 – 94 и 6 %. Преимущественное соотношение верующих и неверующих в группе 3 у осужденных, состоящих на профилактическом учете, по сравнению с осужденными за религиозный экстремизм, говорит в пользу того, что происходит достаточно быстрое заражение определенной части осужденных идеологией религиозного экстремизма, хотя изначально они были осуждены за пре-

ступление иного толка, чем экстремистская и террористическая деятельность [9]. Этот факт соответствует тому, что О. Н. Новикова говорит о зарубежной ситуации [8].

Сходство групп 2 и 3 и явная разница с группой 1 наблюдаются и в ответах на другие значимые для приверженцев ислама вопросы, в частности количестве молитв в день, названиях священных писаний, именах пророков ислама и течениях в исламе и пр. [9].

В противоположность осужденным за общеуголовные преступления (группа 1) индивиды, осужденные по статьям за террористическую и экстремистскую деятельность (группа 2), в местах лишения свободы являют собой достаточно монолитную группу. Они объединены религиозной принадлежностью и идентичностью, традициями, общностью целей. Эти лица осуждены на длительные сроки заключения, в ситуации отсутствия ближайшей перспективы освобождения они, как правило, видят смысл своего существования в распространении идеологических убеждений среди других осужденных, совершивших общеуголовные преступления, особенно среди тех, кто попал в места заключения в первый раз [9].

Авторы исследования анализируют поведение осужденных, так называемую дисциплинарную практику, во всех трех группах и приходят к выводу, что группа 1 является по сравнению с двумя другими наиболее благополучной: только 6 % осужденных признаны нарушителями режимных требований исправительных учреждений. Характеристика дисциплинарной практики в группах 2 и 3 крайне неблагоприятна: здесь регистрируется немного мелких нарушений, зато имеется значительное количество осужденных, признанных злостными нарушителями (до 19 и 29 % соответственно) [9].

Рассмотренные выше результаты дают основания заключить, что религиозный экстремизм является серьезным фактором, негативно влияющим на оперативную обстановку в исправительных учреждениях.

Следует признать, что рассматриваемая категория осужденных образует чрезвычайно сложный контингент для каких-либо коррекционных воздействий со стороны психологов и воспитателей исправительных учреждений в силу психологической сопротивляемости, связанной с религиозным воспитанием и концепцией религиозного экстремизма, усвоенной в процессе террористической деятельности. Отсюда основное направление деятельности психологов совместно с другими службами пенитенциарного учреждения – профилактика деструктивного поведения

таких осужденных, противодействие распространению религиозного экстремизма в местах лишения свободы. Теоретический анализ проблемы радикализации в местах лишения свободы сквозь призму идей социальной идентичности позволит отследить механизмы радикализации.

Радикализация в местах заключения: потенциал подхода социальной идентичности. Вслед за М. Хоггом и А. Хэсламом будем говорить в более широком смысле о подходе социальной идентичности [19; 21], базирующемся на теории социальной идентичности Г. Тэшфела и теории самокатегоризации Дж. Тернера. Ключевая идея заключается в том, что индивидуальные действия определяются социальными силами [21]. Остановимся на основных положениях подхода, чтобы объяснить механизм, по которому происходит радикализация в местах лишения свободы.

Социальная идентичность определяется Г. Тэшфелом как «знание индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам вместе с некоторой эмоциональной и ценностной значимостью для него принадлежности к этой группе» [19, с. 15]. Это знание является крайне важным, чувство self люди извлекают именно из принадлежности к социальным группам. Группа здесь опеределается как категория людей, разделяющих одну и ту же социальную идентичность, оценивающих себя сходным образом (ингруппа), отличающихся от людей с другой идентичностью (аутгруппа), стремящихся к поддержанию позитивной социальной идентичности. Итак, получая от группы социальную идентичность, человек обретает определенность в отношении того, кем он является, каково его место в социальном мире, что ему думать, чувствовать, как поступать, а также как его воспринимают и как с ним взаимодействуют другие [20].

Наряду с социальной идентичностью человек обладает персональной идентичностью (конструкт, отличающий человека от других членов группы, характеризующий его в терминах личностных атрибутов). Человек обладает целым рядом социальных и персональных идентичностей. Это определяется тем, скольким группам он принадлежит. Важность той или иной социальной идентичности варьируется, в определенный момент только одна идентичность является актуализированной, сквозь ее призму человек интерпретирует себя, воспринимает других и выстраивает свое социальное поведение.

В рамках подхода социальной идентичности люди представляют группу или соци-

альную категорию как некоторый прототип, то есть расплывчатый набор атрибутов, среди которых восприятия, аттитюды, чувства. Прототип предписывает поведение, позволяющее говорить о том, что характеризует данную группу и отличает ее от других. По принципу метаконтраста прототип акцентирует сходство внутри группы и разницу между группами [21].

Мотивационные процессы, связанные с социальной идентичностью, таковы: само совершенствование, оптимальное отличие и снижение неопределенности [23]. Последний мотив лег в основу теории неопределенности-идентичности М. Хогга, которая дает объяснение тому, почему люди присоединяются к группировкам с экстремистскими и радикальными взглядами [23]. В повседневной жизни человека часто окружает неопределенность, она связана с самыми различными явлениями, не только безработица, война, кризис, эпидемия порождают ее. Современный глобализированный мир становится непредсказуемым, непонятным, пугающим. Процесс общения трансформировался, большая часть повседневной жизни связана с использованием коммуникативных технологий. «Социальные медиа (и сопутствующие им технологии) представляют собой, вероятно, самый большой переворот в том, как люди взаимодействуют и взаимодействуют друг с другом со времен Уильяма Джеймса» [26, с. 277]. Современный мир характеризуется дефрагментацией, традиционные основания для категоризации не срабатывают, что порождает неопределенность [19].

Неопределенность, связанная с self, особенно тревожна, она порождает у индивида многочисленные вопросы: кто я такой? где мое место в мире? как нужно думать и чувствовать в той или иной ситуации? и пр. Ощущение неопределенности неприятно, человек стремится его избежать. Для этого он устремляется к другим, которые помогут ему понять, что думать, как чувствовать и действовать. Социальная категоризация снижает неопределенность, ибо делает поведение предсказуемым. И чем больше человек испытывает такую неопределенность, тем больше он стремится к группам со следующими особенностями:

1) высокий уровень энтитативности (это понятие, введенное Д. Кэмпбеллом, подразумевает степень, в которой группа имеет природу сущности по четырем измерениям: общая судьба, сходство, заметность среди членов, границы группы; чем выше выраженность этих качеств, тем привлекательнее группа);

2) специфический прототип – ясный, простой, предписывающий, согласованный (исключается инакомыслие, так как порождает сомнения и неопределенность);

3) сильно выраженное отличие группы от других групп [21].

Способ снижения неопределенности – это принадлежность к группе. Она является основой для самоопределения: индивиды обретают искомую социальную идентичность, получая готовые нормы и правила поведения, направление мыслей и чувств. В экстремальных ситуациях привлекательнее становятся группы, в которых отдается предпочтение снижению неопределенности, затрагивающей self, вместе с ортодоксальными, экстремистскими взглядами, для которых характерны жесткая идеологическая система убеждений, авторитарное лидерство [21].

Присоединяясь к группе с экстремистскими взглядами, индивид получает всеохватывающую, ригидную, эксклюзивную и предписывающую в крайней степени социальную идентичность и чувство Я. Группы с экстремистскими взглядами обеспечивают своим членам четкий стандарт, что является верным, а что нет, давая однозначную основу для оценки членов аутгруппы, дегуманизируя их, что в результате оправдывает любые действия в отношении последних [20]. Если вернуться к системе 22 индикаторов, позволяющих оценивать риск экстремизма [28], можно заметить, что логика теории социальной идентичности, а также теории неопределенности идентичности позволяет объединить в единое целое набор индикаторов, касающихся групповых и межгрупповых отношений.

Ригидные идеологические системы, как отмечает М. А. Хогг, позволяют разрешить парадокс постмодернизма: получая свободу, человек страдает от неопределенности (что делать? кем быть?) и, как следствие, стремится к определенности, абсолюту, что и делает привлекательными идеологические системы убеждений [20].

Посмотрим через призму этих идей на ситуацию, в которую попадают в местах лишения свободы осужденные: не имеющие криминального прошлого, оказавшиеся в заключении первый раз, переживая депривацию, они испытывают пенитенциарный стресс [2; 7], озадачены неопределенностью относительно себя, жизненной перспективы, своего положения в мире. Тогда становится очевидным, по какому механизму эти люди примыкают к группировкам с экстремистскими взглядами, разделяют радикальные идеи: переживание неопределенности оборачивается идентификацией

с группами, стоящими на крайних позициях, – такова цена обретения определенности. При этом, как указывает М. А. Хогг, продолжительная ситуация неопределенности только усиливает поиск и стремление присоединиться к группе с простыми, предписывающими прототипами. Более того, как отмечалось выше, группы осужденных за террористическую и экстремистскую деятельность воспринимаются как гомогенная группа, имеющая определенную структуру, разделяющая общую судьбу, цели, зачастую с высокопрототипическим лидером, всем тем, что привносит определенность. Таким образом, два параметра, часто встречающиеся как объяснительные конструкты радикализации в местах заключения, могут быть поняты через призму идей теории неопределенности-идентичности.

Чем выше идентификация с такими группами у индивида, тем больше вероятность, что он будет вовлекаться в радикальные действия во имя этой группы, ибо социальная идентичность, особенно если она единственная, эксклюзивная, ригидная, способствует мобилизации.

Профилактика радикализации. Для предотвращения распространения экстремизма в местах лишения свободы необходимы система профилактики и меры по дерадикализации осужденных. Востребована разработка программ реабилитации, базирующихся на анализе психологических качеств личности и мотивационной сферы террористов. Можно предположить, что психологи-

ческое воздействие окажется в наибольшей степени эффективным для тех индивидов, чье мировоззрение не сформировано в полной мере, а также тех, кто отошел от идеологии терроризма во время членства в террористических организациях. Категория осужденных, которая нуждается в профилактической работе, – это те, кто подвержен принятию экстремистской идеологии или находится под влиянием религиозных экстремистов, однако не принял решение о присоединении к террористической организации [8].

Наконец, с профилактической точки зрения представляется возможным разрабатывать систему оценки риска радикализации, исходя из идей подхода социальной идентичности [19; 21; 22]. В фокусе внимания должны быть, с одной стороны, степень неопределенности, испытываемой осужденным, попавшим в первый раз в места заключения, с другой – особенности социальных идентичностей индивида. Сильная выраженность неопределенности в сочетании с небольшим количеством групп, членом которых человек себя считает (небольшое количество социальных идентичностей), а также невысокой степенью идентификации с этими группами позволяют говорить о риске радикализации, однако этот процесс не запускается автоматически. Анализируя перечисленные параметры, возможно оценить уязвимость осужденных к радикализации, а также разработать специальные меры для снижения привлекательности групп с экстремистскими убеждениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бодрийяр, Ж.** Дух терроризма. Войны в Заливе не было / Ж. Бодрийяр. – Москва : Рипол-Классик, 2017. – 226 с. – ISBN 978-5-386-09139-2.
2. **Ермасов, Е. В.** Психологический стресс в условиях изоляции / Е. В. Ермасов // Развитие личности. – 2009. – № 2. – С. 84–99.
3. **Зинченко, Ю. П.** Мотивация террориста / Ю. П. Зинченко, К. Г. Сурнов, А. Ш. Тхостов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2007. – № 2. – С. 20–34.
4. **Казберов, П. Н.** Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности / П. Н. Казберов, Б. Г. Бовин // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 1. – С. 36–53. – DOI: 10.17759/psylaw.2019090103.
5. **Казберов, П. Н.** Психологический профиль террориста / П. Н. Казберов, Б. Г. Бовин, А. А. Фасоля // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 141–157. – DOI: 10.17759/psylaw.2019090311.
6. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы. – URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (дата обращения: 16.05.2020).
7. **Мельникова, Д. В.** Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых / Д. В. Мельникова, М. Г. Дебольский // Психология и право. – 2015. – Т. 5, № 2. – С. 105–116. – DOI: 10.17759/psylaw.2015100208.
8. **Новикова, О. Н.** Иностранцы боевики-террористы: они возвращаются / О. Н. Новикова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2018. – № 49. – С. 2–4.
9. **Оганесян, С. С.** Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы / С. С. Оганесян, Б. Г. Бовин, П. Н. Казберов, Д. Е. Дикопольцев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 3. – С. 51–59. – URL: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (дата обращения: 01.06.2020).
10. **Сундиев, И. Ю.** Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов, А. И. Кундетов, В. П. Федоров. – Вологда : Полиграф-книга, 2014. – 240 с. – ISBN 978-5-91967-164-0.
11. **Тихонова, А. Д.** Социальные медиа и молодежь: риск радикализации / А. Д. Тихонова // Психология и право. – 2018. – Т. 8, № 4. – С. 55–64. – DOI: 10.17759/psylaw.2018080406.
12. **Тихонова, А. Д.** Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы / А. Д. Тихонова, Н. В. Дворянчиков, А. Эрнст-Винтила, И. Б. Бовина // Культурно-историческая психология. – 2017. – Т. 13, № 3. – С. 32–40. – DOI: 10.17759/chp.2017130305.

13. **Чайников, Ю. В.** Хосрохавар Ф. Кибер-Халифат ИГИЛ. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // *Carnet du CAPS*. – Paris, 2018. – N 26 – P. 89–100 / Ю. В. Чайников // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и Африканистика : реферативный журнал. – 2019. – № 4. – С. 96–99.
14. **Ясперс, К.** Разум и экзистенция / К. Ясперс. – Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2013. – 336 с. – ISBN 978-5-88373-347-4.
15. **Borum, R.** Radicalization into Violent Extremism I: A review of definitions and applications of social science theories / Randy Borum // *Journal of Strategic Security*. – 2012. – No. 4. – Pp. 7–36. – DOI: <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>.
16. **Conesa, P.** La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux / Pierre Conesa, François Bernard Huyghe, Margaux Chouraqui. – Paris : FMSH : FAVT, 2016. – 265 p. – URL: http://www.fmsch.fr/sites/default/files/rapport_propagande_bdef.pdf (дата обращения: 16.05.2020).
17. **Gelfand, M. J.** Culture and Extremism / M. J. Gelfand, G. LaFree, S. Fahey, E. Feinberg // *Journal of Social Issues*. – 2013. – Vol. 69, № 3. – P. 495–517. – DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.12026>.
18. Global Terrorism database. 2020. – URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (дата обращения: 16.05.2020).
19. **Haslam, C.** The new psychology of health / Catherine Haslam, Jolanda Jetten, Tegan Cruwys, Genevieve Dingle, S. Alexander Haslam. – London : Routledge, 2018. – 510 p. – ISBN 9781315648569. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315648569>.
20. **Hogg, M. A.** Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism / M. A. Hogg // *Extremism and psychology of uncertainty* / ed. by M. A. Hogg, D. L. Blaylock. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. – Pp. 19–35. – ISBN 9781444331288.
21. **Hogg, M. A.** Social identity theory / M. A. Hogg // *Contemporary social psychological theories* / ed. by P. J. Burke. – Palo-Alto : Stanford University Press, 2006. – Pp. 111–136. – ISBN 978-0804753470.
22. **Hogg, M. A.** To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty / M. A. Hogg // *Revista de Psicologia Social*. – 2015. – Vol. 30. – P. 586–613. – DOI: 10.1080/02134748.2015.1065090.
23. **Hogg, M. A.** Uncertainty and the Roots of Extremism / M. A. Hogg, A. Kruglanski, K. Van den Bos // *Journal of Social Issues*. – 2013. – Vol. 69, № 3. – Pp. 407–418. – DOI: <https://doi.org/10.1111/josi.1202>.
24. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism (Sydney, November 2019). – URL: <http://visionofhumanity.org/reports> (дата обращения: 16.05.2020).
25. **Jones, C. R.** Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization / C. R. Jones // *Punishment and society*. – 2014. – № 16 (1). – Pp. 74–103. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1462474513506482>.
26. **Kende, A.** Putting the social (psychology) into social media / A. Kende, A. Ujhelyi, A. Joinson, T. Greitemeyer // *European Journal of Social Psychology*. – 2015. – Vol. 45. – Pp. 277–278. – DOI: 10.1002/ejsp.2097.
27. **King, M.** The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence / M. King, D. M. Taylor // *Terrorism and Political Violence*. – 2011. – № 4. – Pp. 602–622. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>.
28. **Knudsen, R. A.** Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales / R. A. Knudsen // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. – 2020. – Vol. 12. – Pp. 37–54. – DOI: 10.1080/19434472.2018.1509105.
29. **Millana, L.** Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections / L. Millana // *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy* / ed. by J. Martin Ramirez, G. Abad-Quintana. – Verlag : Springer International Publishing, 2018. – P. 138–153. – ISBN 978-3-319-77231-8.
30. **Moliner, P.** Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste / Pascal Moliner, Inna Bovina, Anastasya Tikhonova // 12ème édition du Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-la-Neuve, 4–6.07.2018. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02891359> (дата обращения: 16.05.2020).
31. **Silke, A.** Countering violent extremism in prisons: A review of key recent research and critical research gaps / A. Silke, T. Veldhuis // *Perspectives on Terrorism*. – 2017. – Vol. 11 (5). – URL: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/640/html> (дата обращения: 16.05.2020).
32. **Wieviorka, M.** From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism / M. Wieviorka // *Societies under threat* / ed. by D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska. – Cham : Springer, 2020. – P. 75–85. – ISBN 978-3-030-39315-1. – DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39315-1>.

REFERENCES

1. Bodriyar ZH. *Duh terrorizma. Vojny v Zalive ne bylo* [The spirit of terrorism. There was no Gulf War]. Moscow, 2017. 226 p. (In Russ.).
2. Ermasov E. V. Psihologicheskij stress v usloviyah izolyacii [Psychological stress in isolation]. *Razvitie lichnosti – Development of person*, 2009, no. 2, pp. 84–99. (In Russ.).
3. Zinchenko YU. P., Surnov K. G., Thostov A. SH. Motivaciya terrorista [Motivation of a terrorist]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya – Bulletin of the Moscow University. Serie 14. Psychology*, 2007, no. 2, pp. 20–34. (In Russ.).
4. Kazberov P. N., Bovin B. G. Obshchaya harakteristika lic, osuzhdennyh za prestupleniya ekstremistskoj i terroristicheskoj napravlenosti [General characteristics of persons convicted of crimes of extremist and terrorist orientation]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 36–53. doi: 10.17759/psylaw.2019090103. (In Russ.).
5. Kazberov P. N., Bovin B. G., Fasolya A. A. Psihologicheskij profil' terrorista [Psychological profile of a terrorist]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141–157. doi: 10.17759/psylaw.2019090311. (In Russ.).
6. *Kompleksnyj plan protivodejstviya ideologii terrorizma v Rossijskoj Federacii na 2019–2023 gody* [Comprehensive plan for countering the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019–2023]. Available at: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632> (accessed 16.05.2020). (In Russ.).
7. Mel'nikova D. V., Debol'skij M. G. Penitencijarnyj stress i osobennosti ego proyavleniya u osuzhdennyh, podozrevaemyh, obvinyaemyh [Penal stress and peculiarities of its manifestation among convicts, suspects, accused]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2015, vol. 5, no. 2, pp. 105–116. doi: 10.17759/psylaw.2015100208. (In Russ.).
8. Novikova O. N. Inostrannye boeviki-terroristy: oni vozvrashchayutsya [Foreign terrorist fighters: they return]. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy – European security: events, assessments, forecasts*, 2018, no. 49, pp. 2–4. (In Russ.).
9. Oganessian S. S., Bovin B. G., Kazberov P. N., Dikopol'cev D. E. Problema rasprostraneniya religioznogo ekstremizma v mestah lisheniya svobody [The problem of the spread of religious extremism in places of detention]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the Penal System*, 2019, no. 3, pp. 51–59. Available at: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (accessed 01.06.2020). (In Russ.).
10. Sundiev I. YU., Smirnov A. A., Kundetov A. I., Fedorov V. P. *Teoriya i praktika informacionnogo protivodejstviya ekstremistskoj i terroristicheskoj deyatel'nosti* [Theory and Practice of Information Counteraction to Extremist and Terrorist Activities]. Vologda, 2014. 240 p. (In Russ.).

11. Tihonova A. D. Social'nye media i molodezh': risk radikalizacii [Social media and youth: the risk of radicalization]. *Psihologiya i pravo – Psychology and Law*, 2018, vol. 8, no. 4, pp. 55–64. doi: 10.17759/psylaw.2018080406. (In Russ.).
12. Tihonova A. D., Dvoryanchikov N. V., Ernst-Vintila A., Bovina I. B. Radikalizaciya v podrostkovo-molodezhnoj srede: v poiskah ob'yasnitel'noj skhemy [Radicalization in adolescents and youth: in search of an explanatory scheme]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya – Cultural-historical psychology*, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 32–40. doi: 10.17759/chp.2017130305. (In Russ.).
13. CHajnikov YU. V. Hosrohavar F. Kiber-Halifat IGLIL. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. – Paris, 2018. – N 26 – R. 89–100 [Khosrokhavar F. ISIS Cyber Caliphate. Khosrokhavar F. Le cyber-califat de Daech // Carnet du CAPS. – Paris, 2018. – N 26 – P. 89–100]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: Vostokovedenie i Afrikanistika – Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Serie 9: Oriental and African Studies*, 2019, no. 4, pp. 96–99. (In Russ.).
14. YAspers K. *Razum i ekzistenciya* [Mind and Existence]. Moscow, 2013. 336 p.
15. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A review of definitions and applications of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 2012, no. 4, pp. 7–36. doi: <http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1>. (In English).
16. Conesa P., Huyghe F. B., Chouraqui M. *La propagande francophone de Daech: la mythologie du combattant heureux*. Paris, 2016. 265 p. Available at: http://www.fmsh.fr/sites/default/files/rapport_propagande_bdef.pdf (accessed 16.05.2020). (In French).
17. Gelfand M. J., LaFree G., Fahey S., Feinberg E. Culture and Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no 3, pp. 495–517. doi: <https://doi.org/10.1111/josi.12026>. (In English).
18. *Global Terrorism database. 2020*. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=&sa.x=54&sa.y=3> (accessed 16.05.2020). (In English).
19. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S. A. *The new psychology of health*. London, 2018. 510 p. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315648569>. (In English).
20. Hogg M. A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford, 2012, pp. 19–35. (In English).
21. Hogg M. A. Social identity theory. *Contemporary social psychological theories*. Palo-Alto, 2006, pp. 111–136. (In English).
22. Hogg M. A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicologia Social*, 2015, vol. 30, pp. 586–613. doi: 10.1080/02134748.2015.1065090. (In English).
23. Hogg M. A., Kruglanski A., Van den Bos K. Uncertainty and the Roots of Extremism. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 407–418. doi: <https://doi.org/10.1111/josi.1202>. (In English).
24. *Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism (Sydney, November 2019)*. Available at: <http://visionofhumanity.org/reports> (accessed 16.05.2020). (In English).
25. Jones C. R. Are prison really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization. *Punishment and society*, 2014, no. 16 (1), pp. 74–103. doi: <https://doi.org/10.1177/1462474513506482>. (In English).
26. Kende A., Ujhelyi A., Joinson A., Greitemeyer T. Putting the social (psychology) into social media. *European Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 45 pp. 277–278. doi: 10.1002/ejsp.2097. (In English).
27. King M., Taylor D. M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, no. 4, pp. 602–622. doi: <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>. (In English).
28. Knudsen R. A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2020, vol. 12, pp. 37–54. doi: 10.1080/19434472.2018.1509105. (In English).
29. Millana L. Terrorism and violence in Spanish prisons: A Brief Glimpse into Prison Environment: Personal Experiences and Reflections. *Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy*. Verlag, 2018, pp. 138–153. (In English).
30. Moliner P., Bovina I., Tikhonova A. Images propagatrices et textes propagandistes dans la communication islamiste. *12ème Congrès International de Psychologie Sociale en Langue Française, Louvain-La-Neuve, 4–6 juillet 2018*. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02891359> (accessed 16.05.2020). (In French).
31. Silke A., Veldhuis T. Countering violent extremism in prisons: A review of key recent research and critical research gaps. *Perspectives on Terrorism*, 2017, vol. 11 (5). Available at: <http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/640/html> (accessed 16.05.2020). (In English).
32. Wiewiorka M. From the «classic» terrorism of the 1970s to contemporary «global» terrorism. *Societies under threat*. Cham, 2020, pp. 75–85. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39315-1>. (In English).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ БОВИН – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КАЗБЕРОВ – старший инспектор по особым поручениям отдела организации психологической работы управления воспитательной, социальной и психологической работы ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, кандидат психологических наук. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

ИННА БОРИСОВНА БОВИНА – профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, доцент. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

BORIS G. BOVIN – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD. in Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

PAVEL N. KAZBEROV – Senior Inspector for special assignments of the Department of Organizing Psychological Work of the Office of Educational, Social and Psychological Work of the Federal Penal Service of Russia, Moscow, Russian Federation, PhD. in Psychology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2233-0230>, e-mail: opodnii@yandex.ru

INNA B. BOVINA – Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Legal Psychology Faculty of the Moscow State Psychological and Pedagogical University, Dsc. in of Psychology, Associate Professor. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru